

Т. А. Кудинова

СУБСТАНДАРТ КАК ОСНОВА АВТОРСКОГО ИДИОЛЕКТА В РУССКОЙ ПРОЗЕ XXI ВЕКА

Анализируется использование субстандартных единиц в ткани художественных произведений; субстандарт рассматривается как один из показателей характеристики идиолекта писателя с позиций внутренней авторской культуры, этических норм и эстетической выразительности; отмечается, что авторское употребление субстандартных лексем обусловлено как идейно-тематическим содержанием, так и культурно-языковым состоянием общества.

This article analyses the usage of substandard elements in literary works. Substandard is regarded as a characteristic of the author's idiolect from the standpoint of their internal culture, ethics and aesthetic expressiveness. It is emphasised that the author's usage of substandard units depends on both ideological and thematic content as well as the cultural-linguistic state of the society.

Ключевые слова: идиолект, субстандарт, жаргон, сленг, диалектизмы, просторечие.

Key words: idiolect, substandard, jargon, slang, dialecticisms, colloquial language.

Анализ идиолекта творческой личности предполагает непременно обращение к тому, что составляет своеобразие в использовании языка как системы. В ткани художественного текста специфические языковые особенности репрезентируют идиолект писателя. Выявление авторских приоритетов в отношении использования особой лексики дает право охарактеризовать отдельные черты языковой личности. Анализ употребления тех или иных лексем позволяет показать отношение писателя к ценностному потенциалу национальной лексики. Как кажется, диапазон субстандартных средств в авторском тексте в некоторой степени репрезентирует идиолект создателя. Не случайно авторы многих работ по проблеме идиостиля интересуются теми писателями и поэтами, которые заметно выделяются яркостью, необычностью, своеобразием использования языковых средств. В современной литературе таковыми являются Б. Акунин, В. Ерофеев, С. Толкачёв, В. Пелевин, Т. Толстая и многие другие.

Для анализа идиолекта писателя сквозь призму субстандарта мы обратились к произведениям В. П. Бурняшева «Гроза с Дону» [2] и Р. Л. Трахтенберга «Гастролер» [5], поскольку в творчестве этих писателей ненормированная лексика имеет знаковый характер, наглядно представляя позиции авторов по отношению к естественному языку.

Продемонстрируем использование субстандартной лексики в указанных произведениях с позиций внутренней авторской культуры, этических норм и эстетической выразительности.

В исторической повести В. П. Бурняшева «Гроза с Дону» описываются события второй половины XVI века: становление казачьей общины на Дону и первые службы казаков российскому царю, в частности их героическое участие в 135-дневном Псковском осадном сидении 1581 года. Примечательно то, что автор произведения, взявшийся за освещение одного из наименее изученных периодов казачьей истории, показал зарождение культурных традиций на Дону. Как выходец из казачьей семьи, он хорошо знает детали казачьего уклада и язык казаков. В книге задействован обширный и важный пласт лексики русского языка – народные слова. Так, описывая наступление утра, автор употребляет забытые слова: *мартын* 'народное название некоторых видов крачек' – «*Мартыны на время прекратили свой пронзительный "хохот" и жадно поглощали рыбу*» [2, с. 8]; старорусское *ратовище* 'древко копья или рогатины' – «*Ухватившись обеими руками за ратовище, человек всей тяжестью тела старался удержать древко копья*» [2, с. 8]; областное *коловерть* 'то же, что и коловорот, т.е. сильное вращательное движение воды' – «*По весне дуб зазеленел всем своим молодым листовым убором, скрывая небольшую пещерку, вымытую коловертью вод*» [2, с. 9], причем в постраничной сноске это слово толкуется автором с указанием на место обозначаемого им физического явления («*водворот на реке или весной в овраге*») и с пометой «староказачье» [2, с. 9].

В. П. Бурняшев, виртуозно владея языком предков, живо воспроизводит речь героев: «*Чей ты, человек? Откуда попал у степ? Кто рану те исделал? – бормотал парень сам себе под нос. – А уж беспокойный, страсть. Хучь путами тя обвивай. А одежда дюже богатая. Чисто князь. Коли по Христу судить – православный. А ежели по луку, да по одежке – басурман. Може, бродник? А може, не приведи Бог, казак? Ну кады очухаишьси, тады и поспрашаю тя*» [2, с. 10]. В этом монологе пять риторических вопросов не только погружают реципиента в размышления героя, но и заставляют

читателя самого размышлять, делая его соучастником событий отдаленной эпохи. Речь еще не знакомого нам человека завораживает наличием в ней устаревших народно- и традиционно-поэтических слов (*лик, басурман* 'человек иной веры (преимущественно о магометанине)' [4, т. 1, с. 64]), уменьшительно-ласкательного слова *одежка*, а также употреблением форм *тя, може*, след которых тянется из праславянского языка.

Взволнованная речь героя выдает в нем представителя южновеликорусского наречия. На это указывает и форма *у степ*, и мужской род вместо женского, и вопросительно-относительное местоимение *что*, и возвратная форма глагола *очухаишьси*, и уступительно-усилительная частица *хучь*.

В силу того что язык русской народности формировался в период XIV–XVII веков, естественным явлением было порой непонимание соотечественниками друг друга, например:

- *Вот бяда: соль на исходе. Игде яё брать? Прямо бяда.*
- *Зри под ноги сабе, – донесся слабый голос из пещеры.*
- *Соли много в озерах и музгах степных. Вздрогнув при первых звуках человеческого голоса, парень широко перекрестился и посветлел лицом:*
- *Очухался? Жив, человеце? <...> Дай кось взглянуть на рану. Огневица не прикинулась ба.*
- *Не прикинется. Испить подай, парубче: во рту словно в музге пересохшей, да и поснедать не грех ба. Чую, шарбу уготовил?*
- И, видя непонимающе уставившиеся глаза парня, чуть улыбнулся.*
- *Како величать-то тя, куга зеленая?*
- *Ивашка, – пробормотал парень, краснея щеками. – Навроде по-нашему, по-христиански баишь, а речь твоя непонятна* [2, с. 10].

В данном речевом отрезке парень не понимал, как мы предполагаем, лишь три слова: *музга* ('1. Заболоченное озеро. 2. Низина, впадина, заполненная водой, оставшейся после разлива рек' [1, с. 290]), *шарба* ('уха' [1, с. 598]), *куга* ('камыш озерный'; устойчивое сочетание *куга зеленая* – 'молодой неопытный человек' [1, с. 247]), которые были чисто казачьими. Надо заметить, что автор дает толкование первых двух слов в постраничной сноске, причем поясняя слово *музга*, он образно воспроизводит обозначаемое им место во времени и указывает на его практическое назначение (ср.: «*Музга – степная балка, заполненная вешней водой. Зарастает камышом и чаканом. После схода полой воды в музгах много остается рыбы*» [2, с. 10]). О значении выражения *куга зеленая*, полагает автор, читатель догадается по смыслу. Все остальные выделенные нами лексемы и формы слов, употребленные незнакомцем, были парню понятны: *огневица* 'обл. Лихорадка, горячка' [3, т. 2, с. 585], *поснедать* 'обл. Поестъ' [4, т. 3, с. 319].

Дальнейшее содержание разговора уже не заводит парня в тупик, поскольку оба героя говорят на южнорусском диалекте.

Активное использование в повести историко-лексического и этимологического материала является не только необходимостью для воссоздания реалий второй половины XVI века, но и началом реконструирования лексической системы русского языка. Как педагогу В.П. Бурняшеву, наверное, хочется возродить старославянские формы звательного падежа *парубче, хлопче, человеце*, народно-поэтические *лик, зазноба-любушка, добры молодцы, атаманы-молодцы*, потому что это куда лучше, чем *салага, молокосос, мужик, морда, харя, телка* и пр. Автор максимально использует возможности наиболее типичных народных слов. Так, просторечные лексемы *очухаться, прикинуться, присушить, обвыкнуть* свидетельствуют о том, что писателю важна не только экспрессивность слова, но и семантическая емкость, хотя и то и другое подчинено целям достижения художественной выразительности.

Историческая повесть В.П. Бурняшева представляет кладезь забытых русских слов, которые автор пытается вернуть в активный запас пользователей русского языка взамен грубых и вульгарных лексем и оживить казачий язык. В использовании народных слов В.П. Бурняшев продемонстрировал эмоционально-экспрессивное богатство и эстетику национального русского языка.

В отношении идиолекта Р.Л. Трахтенберга можно сказать, что языковая личность, тяготеющая к субстандарту (при формальном владении нормативной базой), характеризуется «зависимостью от коллективно-групповых навыков и вкусов, отсутствием критического и творческого отношения к языку» [3, с. 18]. Отдавая дань «моде», бывший известный шоумен, журналист и писатель (имевший ученую степень) Р. Трахтенберг насыщает повесть «Гастролер» грубыми просторечными словами, жаргонизмами и обценнизмами, порой вопреки законам этики.

Написанная от первого лица, повесть состоит из двадцати глав, в названиях которых угадываются, с одной стороны, общекультурные и собственно литературные аллюзии («*Свой среди чужих*», «*Остров сокровищ*», «*Возвращение Орфея*»), а с другой – благодаря использованию

субстандартных единиц реализуется игровое начало («Упал, очнулся, *влип-с...*», «*То понос, то золотуха*», «*Кака*»). Каждую главу предваряет эпиграф (чаще всего в виде анекдота или байки) нередко с включением табуированной лексики. И сам текст повести изобилует анекдотами, тематика которых является весьма грязной. И, видимо, это не случайно, ведь персонажи произведения именуются жаргонными словами уголовно-арестантской сферы функционирования (*амбал, бухало-инструктор, кореш, кореша, чувак, придурок, придурки, лох, лохи, пацаны, козлы*), грубо-просторечными (*упрямый пердун*), матерными и в редких случаях разговорными (*здоровяк, растяпа*). Действия главного героя выражаются примерно таким же рядом стилистически окрашенных глаголов: жаргонными – «*бухали вместе*», «*оттянулись*», «*косили урожай*»; просторечными – «*нужно срочно драпать домой*», «*рубанул по клавишам*», «*тыркнул кнопку вызова*». Восторженность передается лексемами *офигеть, обалдеть, охрененно, гламурненько, классно*.

Надо заметить, что авторская языковая деликатность в повести полностью отсутствует, поскольку в самом тексте отточия используются редко, чаще обценнизмы печатаются полностью.

Сюжет повести описывает экстремальное происшествие: вследствие невероятного стечения обстоятельств шоумен Роман Трахтенберг оказывается в африканской стране Нубии. Происшедшее катастрофично, однако ему удалось выжить, заработать денег на обратную дорогу и благополучно вернуться на родину. Кстати, в повести В. П. Бурняшева главного героя «*басурманы повязали да в полон уволокли*», но герою удалось сбежать в тот край, жители которого (казаки) при одном упоминании наводили страх. Однако эмоционально-экспрессивная реакция беглеца на неожиданную встречу с казаком далека от употребления матерных слов, в отличие от героя повести «Гастролер», в речи которого присутствуют многочисленные обценнизмы и грубые просторечные слова.

Герой «Гастролера» в совершенстве владеет жаргонным языком и, чувствуя раскрепощенность, старается всякий раз его использовать: «*Да фижня это все...*»; «*Я заметил дохловатого, явно не местного парня, который тусовался около небольшой лавки*»; «*– Да насчет оплаты не парься...*»; «*– Забодало бухать и валяться на пляже...*» В тексте обычны вкрапления наркоманского жаргона: «*Стражи даже не станут искать “колеса”, они безоговорочно решат, что их все принял...*»; «*Я веселился так, словно выкурил несколько косяков*». Кроме того, встречаются элементы криминального жаргона, которые имеют тенденцию к перемещению в общий жаргон: «*...я “развожу” туристов, он с ними ныряет, создаем кооператив “Нырок” и зарабатываем мне на обратную дорогу*».

Яркое комическое впечатление (а это одно из главных достоинств рассматриваемого текста) производит намеренное столкновение книжной стихии с субстандартной: «*Незаметно летело время. Я бодро вживался в новую реальность и постигал основы маата. Маат – для тех, кто не в курсе, – это основополагающее понятие местной философии...*»

Всякий раз, когда просторечная форма кажется автору более эффективной, он ее использует, намеренно пренебрегая нормативными как менее выразительными, по его мнению, литературными формами. Обращение к субстандарту оказывается своеобразным стилистическим приемом, с помощью которого адресант пытается сделать свою речь более убедительной или эффективной в процессе речевого общения среди себе подобных.

Ироничное использование сниженной лексики – это стиль времени, следствие определенной жизненной позиции. Как утверждает Л. Л. Фёдорова, мы живем отрицанием пафоса (однако к В. П. Бурняшеву это не относится, поскольку все его произведение пронизано страстным воодушевлением), отторжением норм, что и выражается в общей жаргонизации речи [6, с. 271]. Однако жизнь показывает: языковой процесс представляет собой движение, причем не одностороннее и не по прямой дороге с ограждениями. На периферию уйдет все то, что противостоит человеческой природе, а то, что более полно и точно отражает реалии, останется в языке, возможно, изменив свой социальный статус.

Примечательно, что в современной литературе имеет место обращение к языковому прошлому как противопоставление языку цинизма и низменным жизненным категориям настоящего («*человече*», а не «*чувак*»; «*куга зеленая*», а не «*ты, козел*»).

Список литературы

1. Большой толковый словарь донского казачества. М., 2003.
2. Бурняшев В. П. Гроза с Дону. Сальск, 2004.
3. Золотова Г. А., Ониненко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.
4. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1981–1984.

5. *Трахтенберг Р.* Гастролер. М., 2007.
6. *Федорова Л.Л.* Современное состояние молодежной речи: к определению жаргона // Русский язык сегодня. Активные языковые процессы конца XX века: сб. ст. / под ред. Л.П. Крысина. М., 2003. С. 271 – 279.

Об авторе

Т.А. Кудинова – канд. филол. наук, доц., Ростовский государственный строительный университет, ktaisija@yandex.ru

Author

Dr. T. A. Kudinova, Associate Professor, Rostov State Building University, ktaisija@yandex.ru